К62 01/39
Б.Ф. 1

К62 01/39

М. Н. Сперанскій.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ

и

ЕГО ПОТОМСТВО.

МОСКВА—1913.

К 62
39

М. Н. Сперанскій.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВЪ

и

ЕГО ПОТОМСТВО.

МОСКВА—1913.

Печатано по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, на основаніи § 56 его Устава.

Председатель Графиня Уварова.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 144
14 " 5 1932

ТИПОГРАФІЯ В. И. ВОРОНОВА. МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

Иванъ Ѳедоровъ и его потомство.

М. Н. Сперанскій.

На только что открытомъ памятникѣ дьякону церкви Николы Чудотворца Гостунскаго Ивану Ѳедорову сдѣлана надпись, говорящая о томъ, что онъ „первѣе нача на Москвѣ печатати святыя книги въ лѣто 7071-е, (т. е. 1563-е отъ Р. Х.) апрѣля въ 19 (день)“. Эта надпись, какъ извѣстно, взята почти цѣликомъ изъ послѣсловія къ первой московской печатной книгѣ—Апостолу—начатой въ этотъ день и конченной въ 1 марта слѣдующаго года. Надпись эта отмѣтила собой не только подвигъ дьякона церкви Николы Гостунскаго и его товарища и помощника Петра Тимоѳеевича Мстиславца. Надпись эта напомнила не только событіе первостепенной важности въ культурной исторіи Москвы: событіе, совершившееся въ Москвѣ въ 1563 и 1564 годахъ, имѣетъ право и на болѣе крупное, нежели мѣстное, значеніе: послѣдствія появленія первой московской книгопечатни нашли себѣ отзвукъ не только въ Москвѣ, въ Московскомъ государствѣ, но и далеко за предѣлами тогдашней Россіи, и послѣдствіями своими совершенное въ Москвѣ въ XVI в. Иваномъ Ѳедоровымъ дѣло еще живо даже до днесь; хотя непосредственное значеніе его въ наши дни и сузилось, но еще не такъ давно—200 лѣтъ назадъ—оно имѣло общелитературное и общекультурное значеніе у насъ, а въ другихъ странахъ еще въ 20-хъ годахъ XIX-го вѣка чувствуется живая связь литературы и печатнаго дѣла, какъ орудія этой литературы, съ дѣятельностью Ивана Ѳедорова и его товарища. Не касаясь дѣятельности Ивана Ѳедорова въ Москвѣ, почти не касаясь ея въ предѣлахъ русскаго племени, я бы хотѣлъ напомнить нѣсколько данныхъ, которыя бы помогли намъ оцѣнить, скорѣе почувствовать, все великое значеніе дѣла Ивана Ѳедорова за предѣлами Россіи, главнымъ образомъ въ славянскомъ мірѣ, по крайней мѣрѣ въ той его части, которая была, въ своемъ прошломъ, связана съ Русью общностью культурнаго источника—Византіи. Въ этотъ славянскій культурный міръ необходимо включить не только народности славянскія: съ нимъ въ своемъ прошломъ связана отчасти и романская народность въ лицѣ румынъ, какъ извѣстно еще очень недавно въ области религіозныхъ интересовъ шедшихъ вмѣстѣ съ

Русью и юго-славянами и до сихъ поръ, хотя уже въ иной оболочкѣ, сохраняющихъ свою связь съ Византіей.

Если мы окинемъ взглядомъ главнѣйшіе моменты появленія книгопечатанія среди южныхъ славянъ, румынъ и русскихъ, то тотчасъ же замѣтимъ, что первенство въ этомъ отношеніи не на сторонѣ Руси: первая славянская книга—я имѣю въ виду намѣченный кругъ—напечатанная кириллицей, явилась въ 1491 году въ Краковѣ, среди польской народности, давно уже пріобщившейся къ западно-европейской латинско-германской культурѣ и чуждой почти совершенно связей съ византійской—восточной; первая печатная книга у южныхъ славянъ, славянъ византійской культуры, явилась черезъ три года: это былъ напечатанный по повелѣнію черногорскаго воеводы Гюрга Црноевича Октоихъ, на Цѣтиньѣ въ 1494 году; въ 1510 (или 1508) году (кажется, вѣрнѣе въ 1512) мы видимъ первую славянскую книгу, напечатанную въ Валахіи—въ Терговищѣ по повелѣнію воеводы угровлахійскаго Іо Басарабы. И только въ 1563 году по повелѣнію царя Іоанна IV начатъ былъ печатаніемъ въ Москвѣ Апостолъ Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ. Т. о. Русь отстала отъ юго-славянъ на 70 лѣтъ слишкомъ въ пользованіи новымъ могучимъ двигателемъ просвѣщенія отъ юго-славянъ и на 50 лѣтъ отъ отъ Молдаво-валаховъ. Конечно, эта цифра увеличится еще—перейдетъ за сотню лѣтъ,—если сопоставить ее съ датой первой западно-европейской печатной книги.

Но если это сопоставленіе — хронологическое — и не увеличитъ значенія дѣятельности Московскихъ печатниковъ, то, смѣло можно сказать, оно и не умалитъ его по отношенію къ нашимъ собратьямъ по культурѣ: послѣдствія, хотя запоздалаго, появленія русской печатной книги, несмотря на печальную судьбу[1]) первыхъ шаговъ книгопечатанія въ Москвѣ, послѣдствія эти оказываются все еще столь богатыми, что за русской печатной книгой и ея первымъ творцомъ Иваномъ Ѳедоровымъ остается въ полной мѣрѣ значеніе крупнѣйшаго событія въ славянскомъ мірѣ. Это значеніе выяснится, если мы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, прослѣдимъ исторію книгопечатанія у славянъ и на Руси.

Старѣйшей славянской книгой, напечатанной кирилловскимъ шрифтомъ, считается, какъ извѣстно, Осмогласникъ (октоихъ) напечатанный въ 1491 году въ Краковѣ Швайпольтомъ Фѣолемъ, „изъ нѣмець, нѣмецкого роду, франкомъ“, какъ онъ назвалъ себя самъ въ послѣсловіи въ книгѣ. Образцомъ, по которому рѣзалъ свои матрицы и отливалъ буквы Фѣоль, для него была уставная юго-славянская рукопись, скорѣе всего болгарская, вѣка XIV-го, что видно если

---

[1]) Предисловіе къ Виленскому Апостолу Ивана Ѳедорова (Каратаевъ, Описаніе словяно-русскихъ книгъ. I², 182—183): „Сія же убо нетуне начахъ повѣдати вамъ, но презѣлнаго ради озлобленія, часто случающагося намъ не отъ самого того государя, но отъ многихъ началникъ и священно началникъ и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли..... сія убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели“.

мы сопоставимъ шрифтъ Октоиха съ югославянской рукописью этого времени; это же доказываетъ и языкъ и правописаніе этого первенца славянской печати. Каковы были побужденія, которыми руководился Фѣоль, предпринимая свой трудъ, будучи „нѣмцемъ, нѣмецкого роду, франкомъ“, притомъ въ Краковѣ, гдѣ господствовала латино-германская культура, отнюдь не склонная итти на встрѣчу византійско-славянскимъ потребностямъ, мы этого, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе опредѣленно сказать не можемъ. Такъ же мало мы можемъ сказать и о томъ, почему эта попытка Фѣоля оборвалась, продолженія не имѣла, почему Фѣоль остался, такъ сказать, безъ литературнаго и типографскаго потомства: мы, по крайней мѣрѣ, при теперешнихъ нашихъ средствахъ не можемъ съ увѣренностью указать продолжателей или подражателей дѣла краковскаго архитипографа.

Хронологически слѣдующимъ и въ то же время болѣе важнымъ по послѣдствіямъ фактомъ является также Октоихъ, но напечатанный на этотъ разъ на югѣ славянства—на Цѣтиньѣ, повелѣніемъ черногорскаго воеводы Гюрга Црноевича священникомъ Макаріемъ въ 1494 году. И для него образцомъ была рукопись югославянская XIV вѣка, сербская, скорѣе всего. Шрифтъ былъ изготовленъ, однако, не на мѣстѣ, а въ Венеціи, которая, какъ извѣстно, была однимъ изъ наиболѣе раннихъ и въ то же время наиболѣе крупныхъ очаговъ первоначальной печатной книги; а съ другой стороны венеціанско-итальянская культура, ея вліянія должны быть признаны однимъ изъ главныхъ источниковъ культуры и ближняго востока—славянскаго—и дальняго—передней Азіи, особенно въ первое время послѣ турецкаго разгрома. О поводѣ предпринять такое крупное дѣло, какъ печатаніе книгъ, намъ сообщили въ послѣсловіи первой Цѣтинской печатной книги сами Црноевичъ и Макарій: „Видѣвь азь вь Христа Бога благовѣрныи и Богомь храними господинь Гюргь Цьрноевыкь црькъвы праздны светыхь книгь, грѣхъ ради нашихъ разхищеніемь и раздраніемь агарянскыхъ чедь, вьзрѣвновахъ поспешеніемь светаго Духа... написахъ сію душеспасную книгу...“ Ниже повторено то же съ одной подробностью: „вьзревновахъ поспешеніемь светаго Духа и съставихъ форми, на нихьже вь едино лѣто осмимь человѣкомь соврьшити охтоихь...“ И такъ: недостатокъ и гибель, вслѣдствіе турецкихъ погромовъ массы книгъ (разумѣется, рукописныхъ), вызвали къ жизни книгопечатаніе на югѣ славянства. Нужда въ книгахъ остро чувствовалась, должна была быть удовлетворена насущнѣйшая потребность церкви и христіанства на разоренномъ славянскомъ югѣ. Насколько нужда эта была велика, можно судить по такъ называемому „Руянскому“ евангелію [1]) 1537 г.: инокъ Ѳеодосій съ нѣсколькими товарищами сами рѣжутъ буквы, какъ полагаютъ изслѣдователи, изъ дерева, чтобы отпечатать ими евангеліе; шрифтъ показываетъ очень небольшое искусство работавшихъ; и такого рода работу приходится исполнять въ то

1) Руjно—селеніе въ Ужичскомъ округѣ въ юго-западной Сербіи; развалины бывшаго здѣсь монастыря сохранились до сихъ поръ.

время, когда печатное дѣло у славянъ въ Венеціи, отчасти въ самой Сербіи кажется развитымъ даже до нѣкоторой роскоши въ изданіяхъ! Дѣйствительно, починъ сдѣланный въ Венеціи, откуда Гюргъ Црноевичъ получилъ шрифты, или, вѣрнѣе, формы (матрицы) для своего Октоиха, не могъ остаться втунѣ: Венеція, въ лицѣ сербскихъ меценатовъ, дѣлается надолго разсадникомъ югославянскихъ типографій и книгъ: цѣлое поколѣніе Вуковичей, начиная съ Божидара, содержитъ типографію въ Венеціи; отсюда печатные шрифты идутъ въ Горажде (1519), Милешевъ (1545), Бѣлградъ (1552) и далѣе — за предѣлы Сербіи — въ Молдавію и Валахію, въ Торговище и т. д. Но это развитіе типографскаго дѣла въ Венеціи и на югѣ славянства, не смотря на всѣ благородныя стремленія сербскихъ воеводъ и молдаво-валашскихъ господарей, не въ состояніи удовлетворить потребности: въ церквахъ „умаленіе“ книгъ продолжается; тяжелыя условія порабощеннаго славянства имѣли слѣдствіемъ то, что возникавшія типографіи не могли долго существовать, должны были ограничивать свою дѣятельность немногимъ: многія изъ нихъ, каковы, напр., Бѣлградская, Горажденская, можетъ быть, и Милешевская, ограничились выпускомъ одной—двухъ книгъ, послѣ чего замирали. Эти печальныя страницы изъ исторіи юго-славянскихъ типографій въ значительной степени отредѣлили собой судьбу и развитіе дѣятельности русской старопечатной книги.

Условія возникновенія, какъ первой русской типографіи, такъ и послѣдующихъ въ значительной степени отличны отъ юго-славянскихъ, если даже мы и замѣтимъ нѣкоторую аналогію съ внѣшней стороны въ исторіи тѣхъ и другихъ. Первое отличіе московскаго книгопечатанія отъ южнаго заключается въ томъ, что на югѣ славянства, инициатива если и принадлежала лицамъ, занимавшимъ офиціальное положеніе, каковы зетскій, черногорскій воевода Црноевичъ или молдавскій господарь, она носитъ все же характеръ инициативы личной, выражавшей личную заботливость воеводы или господаря о нуждахъ церкви; въ другихъ случаяхъ, какъ напр., видно изъ послѣсловія Бѣлградскаго евангелія 1552 г., мы имѣемъ дѣло прямо таки съ частной инициативой и предпріимчивостью. Въ Москвѣ начало книгопечатанія, если и считается инициативой царя Ивана IV, было во всякомъ случаѣ съ первыхъ же шаговъ дѣломъ государства, въ лицѣ царя заявившимъ о сознанной государствомъ потребности: какъ извѣстно изъ послѣсловія къ первопечатному Апостолу Ивана Ѳедорова, появленіе печатнаго станка въ Москвѣ связано съ тѣмъ, что съ одной стороны на Руси къ этому времени „многи святыя церкви воздвизаеми бываху“, съ другой стороны съ тѣмъ и при томъ „паче же“ (въ особенности) что эти церкви воздвизаемы были „въ новопросвѣщенномъ мѣстѣ во градѣ Казани и въ предѣлехъ его“: т.-е., дѣло связано было съ событіемъ общегосударственной важности — завоеваніемъ Казанскаго царства. Вторымъ побужденіемъ было также обстоятельство, имѣвшее въ XVI в. не частный, а общегосударственный характеръ: какъ довольно картинно объясняетъ то же послѣсло-

віе, царь, для удовлетворенія цѣлаго ряда новыхъ церквей, „повелѣ святыя книги на торжищихъ куповати", но между покупаемыми „мали обрѣтошася потребни (т.-е., годны), прочіе же вси растлѣни отъ преписующихъ ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, ово же и неисправленіемъ пишущихъ": т.-е., книгопечатаніе явилось, какъ средство дать однообразныя, правильныя книги. Наконецъ, третьимъ побужденіемъ было то, что въ Москвѣ уже знали о книгопечатаніи, не только у грековъ, въ западной Европѣ, но и въ Венеціи, т.-е. у славянъ [1]). Поэтому то съ первыхъ шаговъ московская печатня стала правительственной, содержимой не на средства лично царя или частнаго благотворителя, а казны: по указу царя, на его средства выстроенъ печатный дворъ, но находится онъ въ вѣдѣніи государственнаго учрежденія—приказа Большого Дворца, въ частности приказа книгъ печатнаго дѣла. Такое начало книгопечатанія, какъ дѣла государственнаго, обезпечило дальнѣйшую судьбу славянской печатной книги на Руси: несмотря на несчастія первыхъ лѣтъ существованія печатнаго двора, на смутное время литовскаго разоренія, печатное дѣло воскресло тотчасъ вмѣстѣ съ государствомъ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и стало родоначальникомъ у насъ и гражданской печати, Тѣсно связанное съ внутреней политикой Московскаго государства, оно сохранило эту свою связь съ задачами государства и за его предѣлами. Этимъ объясняется въ значительной степени и дальнѣйшая судьба дѣла Ивана Ѳедорова и его товарища Петра Тимофеевича Мстиславца въ послѣдующее время за предѣлами Москвы. Я имѣю въ виду развитіе печатнаго дѣла на югѣ и западѣ Россіи—въ литовской Руси и въ Малой Россіи XVI—XVII в.в. Та сѣть типографій, которой покрывается юго-западъ русскаго племени во второй половинѣ XVI вѣка и въ теченіе XVII вѣка,—прямо или косвенно—вся почти цѣликомъ связана съ московскимъ книгопечатаніемъ. Эта связь наглядно видна по самымъ книгамъ, вышедшимъ здѣсь: тогда какъ юго-славянскія изданія воспроизводятъ въ шрифтахъ свои южныя рукописи XIV вѣка, русскія юго-западныя книги вмѣстѣ съ московскими взяли за образецъ московскую рукопись полууставную XVI вѣка. Начало книгопечанія, на юго-западѣ говоритъ о томъ же: отъ Ивана Ѳедорова непосредственно ведутъ свое начало типографіи: въ Заблудовѣ (1568 — 69), Львовѣ [2]) (1573), Острогѣ (1580 — 1612); отъ Петра Мстиславца: виленская (1575) [3]); а то съ той, то съ другой изъ этихъ типографій связаны и другія юго-западныя: въ Евьѣ (1611), Кіевѣ (1617) [4]), Кутейнѣ (1630) [5]); Могилевѣ (1616) и др..

---

[1]) Я такъ понимаю этотъ намекъ: въ это время Божидаровская печатня въ Венеціи особенно энергично дѣйствовала.

[2]) Вторая типографія Михаила Слезки (1638—Букварь).

[3]) Отъ нея „братская", съ 1588 г. (Карат., 238); съ 1620 г. „братская" же при церкви Сошествія св. Духа тамъ же.

[4]) Съ 1630 г.—Соболь; Печерск. лавра.

[5]) Спиридонъ Соболь; онъ же въ Буйничахъ 1635, Могилевѣ, 1636/7.

Правда, для юго-запада Руси существовалъ и еще источникъ славянской печатной книги: это была чешская Прага, гдѣ уже въ 1517 г. Францискъ Скорина печаталъ Библію, а въ 1525 г. онъ же печатаетъ уже въ Вильнѣ Апостолъ; отъ этой послѣдней типографіи Скорины идетъ типографія Несвижская (1562), гдѣ Симонъ Будный печатаетъ свой Катехизисъ, и, быть можетъ, отъ нея же идетъ та „бродячая“ типографія, изъ которой около 1580 г. вышло такъ называемое „Евангеліе Тяпинскаго“. Но дѣло Скорины, видимо, успѣха не имѣло, какъ не имѣла успѣха и попытка продолжать въ Вильнѣ дѣло Швайпольта Фѣоля [1]) въ лицѣ нѣкоего Василія Михайловича Гарабурды, напечатавшаго въ 1582 г., въ Вильнѣ же, Октоихъ. Причину этихъ неудачъ надо видѣть съ одной стороны въ самомъ характерѣ изданій Скорины, съ другой стороны, несомнѣнно, въ той роли, которую Москва съ половины XVI вѣка начинаетъ играть во внутренней политикѣ русскаго юго-запада и сосѣдней Польши. Дѣло въ томъ, что изданія Скорины и С. Буднаго, если и имѣли характеръ народный (языкомъ ихъ былъ языкъ русскій, отличный отъ литературнаго традиціоннаго, хотя уже мало-понятнаго), служили они, какъ, вѣроятно, и Евангеліе Василія Тяпинскаго, цѣлямъ частнымъ — сектантскимъ—небольшого сравнительно круга людей, примкнувшихъ или старавшихся примкнуть къ протестанствующимъ, социніанскимъ кружкамъ западной Руси, тогда какъ остальная часть русскаго населенія въ своей національно-религіозной борьбѣ противъ Польши и католицизма съ его уніей тянула ясно къ единовѣрной Москвѣ; а эта, также ясно, шла на встрѣчу юго-западному населенію русскому, въ то же время выполняя этимъ и свою государственно-политическую программу. Такимъ образомъ, если съ одной стороны частныя попытки въ силу своего характера оставались безъ видныхъ результатовъ и въ силу общаго положенія дѣла, то въ силу того же общаго положенія и благопріятныхъ обстоятельствъ частныя же попытки, встрѣчавшія поддержку извнѣ, не пропадали безслѣдно; поэтому то „братскія“ типографіи, типографіи, основанныя борцами за народность и православіе, въ родѣ Хотчевичей (въ Заблудовѣ), Мамоничей (въ Вильнѣ), Острожскихъ (въ Острогѣ), Львовскаго братства, Виленскаго, Кіевской лавры и др., оказались разсадниками печатнаго дѣла на западѣ и югѣ Россіи. А тутъ то, какъ разъ во время, является фактическая помощь изъ Москвы; оттого-то и Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ явились основателями цѣлаго ряда типографій, частью лично (Заблудовъ, Львовъ, Острогъ, Вильна), частью черезъ своихъ учениковъ и преемниковъ, каковы, наприм., Спиридонъ Соболь, А. Вербицкій.

Но этимъ роль Ивана Ѳедорова и его товарища, лучше сказать, ихъ дѣла, не оканчивается. Не говоря уже о Россіи, печатная книга славяно-русская, получившая свое начало отъ Московскаго печатнаго двора и нашедшая себѣ продолженіе въ западно-русскихъ и южно-

[1]) Соображеніе Каратаева (стр. 219 — 221); оно, однако, мало вѣроятно.

русскихъ типографіяхъ, книга эта сыграла видную культурную роль и за предѣлами русскаго государства и русскаго племени, отчасти продолжаетъ эту роль и по сіе время. Страна, гдѣ русская печатная кириллицей книга нашла себѣ примѣненіе и вліяніе, это—православный славянскій югъ, отчасти также Румынія.

Мы видѣли попытки юго-славянъ и румынъ, пользовавшихся въ церкви славянскимъ языкомъ до недавняго времени, бороться противъ „умаленія святыхъ книгъ“ въ церквахъ, раззоряемыхъ и разграбляемыхъ „агарянскими чадами“. Эти попытки начинаются ранѣе появленія печатной книги въ Москвѣ и на юго-западѣ Россіи, но рано же онѣ и прекращаются: XVI-й и особенно XVII-й вѣка на Балканскомъ полуостровѣ—время наибольшаго матеріальнаго гнета завоевателей турокъ и духовнаго гнета ихъ союзниковъ грековъ-фанаріотовъ; это время наибольшаго и матеріальнаго и литературнаго оскудѣнія на Балканахъ. Но это же время—начало духовной и культурной помощи замирающему славянству со стороны все болѣе и болѣе пріобрѣтающаго значеніе міровой державы Московскаго царства. Та роль духовныхъ меценатовъ, которая принадлежала когда-то балканскимъ государямъ и ихъ преемникамъ, полувассальнымъ, полунезависимымъ деспотамъ, воеводамъ, господарямъ, постепенно переходитъ къ Московскому государству и русскимъ представителямъ науки и литературы: русскіе литературные памятники, русскіе списки славянскихъ памятниковъ начинаютъ пестрѣть все болѣе и болѣе среди сербскихъ и болгарскихъ рукописей; а эти послѣднія все чаще и чаще начинаютъ пріобрѣтать черты, типичныя для русскаго текста. Вмѣстѣ съ этимъ въ сербскихъ и болгарскихъ церквахъ юго-славянская старая печатная книга все больше и больше замѣняется книгой московской, чаще южно-русской печати.

Это наблюденіе находитъ себѣ и фактическое подтвержденіе: на многихъ русскихъ старопечатныхъ книгахъ, находящихся до нынѣ въ югославянскихъ церквахъ, или недавно тамъ бывшихъ и теперь перенесенныхъ въ общественныя библіотеки, есть записи, свидѣтельствующія объ этой роли русской книги у югославянъ; такія надписи въ большомъ количествѣ найдемъ въ недавно (1902—1905 г.г.) вышедшемъ большомъ трудѣ Л. В. Стояновича: „Стари Српски записи и натписи“ (Бѣлградъ — Академія). Приведу нѣкоторыя изъ нихъ для характеристики этихъ книжныхъ отношеній:

1) Острожская библія (1581 г.) въ 1647 г. принесена въ храмъ св. Николы; найдена она была въ Софіи въ ц. Параскевы (Стояновичъ, № 1416).

2) Въ 1652 г. царь Алексѣй Михайловичъ даритъ митр. Михаилу Прологъ сент.—мартъ въ мон. Баню (Кратово). (№ 1487). Въ слѣдующемъ году тотъ же Михаилъ, митр. Кратовскій, который получилъ Прологъ, все еще въ Москвѣ (№ 1494).

3) Въ 1653 г. Антоній монахъ приноситъ изъ Москвы Евангеліе въ мон. Милешево (гдѣ когда то печатались свои сербскія книги, въ 1544—1557 г.)—№ 1495,—а проигуменъ Моисей въ томъ же году приноситъ русское изданіе Іоанна Лѣствиника, московской печати 1647 г.

въ мон. Житомисличъ (Герцеговина). Та и другая книги куплены „цѣною сребра“.

4) Въ 1657 г. изъ Чудова мон. въ Москвѣ приносятъ служебникъ (русскіе) въ тотъ же Милешевскій монастырь.

5) Подъ 1692 годомъ записана цѣлая исторія русскаго Пролога въ сербскомъ монастырѣ: принесенъ онъ „отъ Русіе“, мон. Марчу, отсюда украденъ монахомъ Максимомъ и отданъ въ село Илидже (около Сараева); здѣсь нашелъ его Паисій Зорчичъ, епископъ, и вернулъ опять въ монастырь Марчу, гдѣ книга однако не уцѣлѣла: она очутилась въ Срѣмѣ въ сельской церкви Ровиши, гдѣ ее и нашли теперь.

Такія книжныя сношенія (я не говорю уже о русскихъ книгахъ, до сихъ поръ безъ записей о покупкѣ ихъ или подаркѣ находящихся въ юго-славянскихъ земляхъ издавна; см. Стояновичъ, № 1957, 1966) падаютъ главнымъ образомъ на XVII в.—время наиболѣе тяжелаго турецкаго и фанаріотскаго гнета и наибольшаго упадка духовной жизни югославянъ. Слѣды тѣхъ же сношеній на лицо и до сихъ поръ. Стоитъ пересмотрѣть церковное собраніе книгъ почти всякой сербской или болгарской церкви,—и тамъ, гдѣ собраніе не было расхищено или увезено въ какую-либо библіотеку, въ большинствѣ случаевъ мы встрѣтимся съ такими книгами: евангелія Кіевской и Московской печати, служебная минея, Прологъ того же происхожденія; часто найдемъ рѣдкій у насъ экземпляръ библіи, печатанной въ 1580 и 1581 годахъ въ Острогѣ Иваномъ Ѳедоровымъ [1]). Часто по этимъ книгамъ служатъ и до настоящаго дня. Въ мон. Житомисличѣ, гдѣ мнѣ пришлось быть 3 года тому назадъ, до сихъ поръ служатъ по минеѣ Московской печати XVII в.. Такъ дѣло продолжается и теперь, несмотря на значительное сокращеніе вліянія церковной литературы, послѣ Вука Караджича въ Сербіи, болгарскаго возрожденія и національзаціи церкви въ Румыніи. Достаточно напомнить, что въ Сербіи до сихъ поръ не находятъ нужнымъ печатать кирилловскія книги дома, находя болѣе удобнымъ получать ихъ изъ Россіи; то же и въ Болгаріи. Въ Румыніи, хотя здѣсь еще въ XVI в. являются попытки дать церкви народный языкъ, почему весьма рано появляются печатныя книги (напр., псалтирь, евангеліе) на румынскомъ языкѣ, но печатаются онѣ кириллицей, Московскаго типа; тамъ же въ 1643 г. Анфологіонъ печатаютъ въ Долгомъ полѣ іером. Стефанъ, типографъ сербъ, и Іоаннъ Кунотовичъ, друкарь русъ. (Карат. № 555); а традиціонная лубочная румынская книжка и до сихъ поръ рядомъ съ латиницей печатается той же старой кириллицей московскаго дѣла [2]). Что касается Болгаріи, то

---

[1]) Такъ напр., въ Пожаревцѣ, въ Помазѣ, селахъ Будимской епархіи (около Пешта) я нашелъ въ 1892 г. отличный экз. Библіи (1580) у попа Георгія Голуба, вмѣстѣ съ замѣчательной псалтирью Московск. XVII в. печатной (8° большія поля, на нихъ миніатюры вродѣ Годуновскихъ, до 150); это можетъ быть псалтирь 1602 г. Москов. (Карат. № 172) или слѣд. изд.—1615 г.

[2]) Таковъ, напр., апокрифическій „Трепетникъ“ (по румынски), печ. въ Сибію въ 1892 г., находящійся въ моей библіотекѣ.

эта традиція еще еще нагляднѣе: еще въ 1846—51 гг. болгаринъ Фотиновъ издаетъ свой политическій органъ—Любословіе—въ Смирнѣ и печатаетъ его церковно-славянской, русской, кириллицей. Наконецъ, не лишнимъ будетъ напомнить фактъ и недавняго прошлаго, иллюстрирующій это традиціонное, до сихъ поръ живое вліяніе книги Ивана Ѳедорова: въ Боснѣ и Герцеговинѣ, послѣ ихъ оккупаціи Австріей, правительство австрійское изъ политическихъ видовъ стремится всюду оградить своихъ невольныхъ подданыхъ отъ непріятнаго для этого правительства чужого вліянія, общенія съ другими славянами. Присутствіе въ средѣ Босняковъ и Герцеговинцевъ привычки къ русской богослужебной книгѣ, нахожденіе ея въ сербской православной церкви колетъ глазъ австрійскому правительству; это заставило его рѣшиться замѣнить русскую книгу своей австрійской. Нашлись и люди, готовые исполнить это: Живановичи, Живковичи и др. на средства „Босанской влады“ напечатали Евангеліе (1890 два вида: большое и малое) Апостолъ (1892), Служебники (1891), Требники и т. д. для сербовъ-босняковъ. И что же? Въ основу пришлось имъ положить не сербскіе старые тексты, а перепечатать съ искаженіями русскія кіевскія изданія, выкинувъ изъ нихъ все, что рѣзко напоминало Русь и Россію: шрифтъ прямо подражаетъ московскому и даже синодальному; въ святцахъ — русскія памяти (да при томъ и не общія): Іосифъ Волоцкій, Ѳеодоръ Смоленскій, Дмитрій Ростовскій, Покровъ, Освященіе храма Георгія въ Кіевѣ, Дмитрій Вологодскій, Пафнутій Боровскій. Сами исполнители дѣла не могли устоять и ничего противопоставить вѣковой привычкѣ. А начало этой привычки положено Иваномъ Ѳедоровымъ и его первой печатной книгой. Такимъ образомъ славянская кирилловская книга Ивана Ѳедорова до сихъ поръ остается живымъ свидѣтелемъ культурной связи нашей съ южно-славянскимъ міромъ.